Где мой дом из песка недостроенный

Он, наверное, не выдержал ветра

Отчего так бессильны порою мы

Перед целью своей в сантиметре?

Где мой мир безупречный и правильный

Он рассыпался облаком пыли

Мои ангелы небо оставили

А вернуться на землю забыли.

И никого вокруг, это только мой стук в старые ворота

И никого здесь нет, это только твой след, мне неважно кто ты.

Помоги мне! Сердце мое горит

На костре не потухшей раны, на углях от пустых обид

Помоги мне! Слезы мои утри

Склей обломки моей вселенной, каплю веры оставь внутри.

Ты дорога моя неопасная

И теперь мне, похоже, не сбиться

Если боль залепить лейкопластырем

И лететь дальше раненой птицей.

Я не знаю, где точки отмечены

Слишком сложно во все это верить

Мне взамен предложить больше нечего

Кроме самой последней потери.

И никого вокруг, это только мой стук в старые ворота

И никого здесь нет, это только твой след, мне неважно кто ты.

Помоги мне! Сердце мое горит

На костре не потухшей раны, на углях от пустых обид

Помоги мне! Слезы мои утри

Склей обломки моей вселенной, каплю веры оставь внутри.

(C) Город 312

* * *

Доктор Филип-Жозеф Салазар, специализирующийся на негуманоидных разумных синтетах, сидел в своем кабинете, принимая живые игрушки и их хозяев. Как правило, травмы и заболевания были вызваны тем, что владельцы просто не давали себе труд прочитать инструкцию перед тем, как купить то или иное существо. Или хотя бы расспросить их самих.

Над столом в рамках висели лицензии от ведущих производителей: «Дисней», «MGM», «Хасбро», «Запретный Город», «Нинтендо» и многие другие. Доктор Салазар считался одним из ведущих специалистов Гигаполиса, и неудивительно, что некоторые новые пациенты записывались к нему за месяцы.

Отпустив парочку из мамаши и цепляющейся к ней зареванной девочки, что обкормили плотоядного покемона сладостями, Филип-Жозеф провел над планшетом рукой, приглашая следующего пациента.

Дверь открылась, и в помещении раздался характерный цокот небольших копыт в сопровождении четкой поступи тяжелых «армейских» ботинок. Не понадобилось поднимать взгляд, чтобы узнать, кто это.

Небрежное движение руки активировало в планшете нужную карту.

– Доброе утро, доктор Салазар, – поздоровался тихий и низкий голос.

Филип-Жозеф повернулся и закономерно увидел Алекса Вендара. Удивительно сознательного клиента, беспрекословно исполняющего все указания относительно своей питомицы.

– Доброе утро, мистер Вендар, – поздоровался доктор, потом опустил взгляд и улыбнулся обладательнице огромных глазищ рубинового цвета. – Здравствуй, Дэши.

– Здравствуйте, доктор! – отозвалась юная пегаска, немного пританцовывая, будто в нетерпении.

– Мы на финальный осмотр, – пояснил Алекс Вендар, глядя доктору в глаза. – Завтра подаем заявку на арену.

Филип-Жозеф кивнул. Он уже давно старался не переживать по поводу судеб синтетов. Его учили, что если к сказочным существам относиться как к людям, никаких нервов не хватит.

Вот и сейчас эту живую, веселую и крепкую поняшу ждала судьба груши для битья. Нет, даже

хуже: просто куска мяса, в который она рано или поздно превратится на потеху кровожадной толпе.

Впрочем, Алекс Вендар предупреждал доктора, для чего готовит голубую пегаску. Еще когда пришел к нему впервые, много лет назад, с несмышленым жеребенком на поводке.

Теперь же нескладная непоседливая малышка превратилась в красавицу-спортсменку, так и лучащуюся энергией и здоровьем. Правильное питание, активный образ жизни, режим дня и соблюдение указаний врача: все вместе это дало потрясающий результат.

«Она могла бы стать рекламным символом моей клиники», – подумал доктор и даже почувствовал сожаление, что такой великолепный экземпляр скоро придет в полную негодность.

Дэш уже сидела в готовности у смотрового стола. Надо сказать, за всю свою жизнь Рейнбоу Дэш Вендар ни разу серьезно не болела: Алекс следил за здоровьем воспитанницы, всегда вовремя приводил на прививки и осмотры, заставлял ее заниматься спортом и закаляться. В общем, делал всю возможную профилактику.

– Сегодня у нас полный осмотр, Дэши, – сказал доктор, – как весной.

Пегаска кивнула и стала раздеваться. Ни Алекса, ни доктора она не стеснялась, несмотря на привитую человеческую мораль: и тот, и другой часто видели ее без одежды. Первый был ей вместо отца, второй как минимум раз в полгода проводил полный осмотр.

Избавившись от футболки и джинсов, пегаска взлетела на смотровой стол и встала на четыре ноги, слегка расправив крылья.

Проведя первичное сканирование, доктор Салазар прилепил несколько датчиков на тело пегаски, после чего активировал автодока в режиме диагностики и снова уткнулся в планшет.

Все параметры и категории проверки тут же расцвели зелеными метками. Пегаска была абсолютно здорова, что было все удивительнее из года в год. Более того, некоторые параметры вроде общего иммунитета и физического развития вообще превышали сто процентов. Правда, немного смущали следы легких травм по всему телу и на крупе.

Алекс не рассказывал, но доктору было совершенно ясно, что тот свою воспитанницу и порол, и подготовку к арене вел в режиме довольно жестких тренировок.

– Придраться не к чему, мистер Вендар, – объявил Филип-Жозеф короткое время спустя. – Дэши абсолютно здорова.

Пегаска при этих словах прямо засветилась гордостью, хотя главная заслуга в этом

достижении была не ее.

– Можете проверить визуально? – спросил Алекс, сидящий у стола доктора.

Тот поднял на хозяина пегаски взгляд зеленых глаз:

– Нет ничего, что я смог бы заметить глазами, но укрылось бы от сканеров.

– Автоматика иногда дает сбои, – заметил Вендар. – Если Вам не сложно, док…

Филип-Жозеф пожал плечами и, отложив планшет, натянул на руки тонкие полимерные перчатки, после чего занялся пегаской сам.

Но и проведенный по старинке осмотр не выявил никаких отклонений. Рейнбоу Дэш была идеально сложена для своего биологического возраста в семнадцать лет, прекрасно развита и просто лучилась энергией.

Доктор не поленился проверить и еще кое-что.

Уж больно часто маленькие пони от «Хасбро» заменяли хозяевам девушек. В принципе, феномену этому было лет двести, а изготовители потрудились на славу, сменив лошадиный круп на куда более аппетитные очертания, добавив в телосложение немало человеческого, перестроив феромоны и сделав шерстку невероятно нежной.

Дэш, которой доктор велел опуститься на передние ноги и убрать хвост, жарко покраснела и прижала уши, но повиновалась беспрекословно: Алекс Вендар воспитал в поняше железную дисциплину.

Показания диагноста подтвердились: никто еще не тронул цветную лошадку и тут. В теперешние времена это было вообще из ряда вон. Не хозяева, так свободная мораль и доступ к соплеменникам обычно означали начало интимной жизни лет в четырнадцать-пятнадцать, а то и раньше.

– Идеал, – произнес доктор, легким шлепком возвращая Дэш в прежнее положение и вгоняя в еще большую краску. – Эталон. Здоровая, бодрая, сильная и нетронутая. Мои поздравления, продолжайте в том же духе.

– Рекомендации? – спросил Алекс, на лице которого не дрогнул ни один мускул.

– Все по-прежнему. Здоровая диета, спорт, прививки раз в полгода и осмотр с той же периодичностью. И если хотите не рекомендацию, а совет, участвуйте в спортивных состязаниях, а не в боях. Произведете фурор.

– Рекомендации достаточно, доктор, – отозвался Алекс.

Он без напоминания совершил над коммом пару пассов, перечисляя деньги за осмотр пони. Что ж, надо было признать, средств на свою любимицу мистер Вендар не жалел. По мнению Филипа-Жозефа, миллионы людей в мире жили значительно хуже этой маленькой пони.

Впрочем, подобное всегда было: домашние питомцы обеспеченных семей жили гораздо лучше, чем многие люди, задолго до появления синтетов и рождения самого доктора. Так что подобный порядок вещей не был чем-то противоестественным.

Положа руку на сердце, Филипу-Жозефу нравилась эта восторженная пегасочка, возможно еще не подозревающая о своей судьбе. Нравился Алекс Вендар, способный проявить подобную заботу о бесправном и беззащитном в человеческом обществе существе. А еще ему нравилось, с какой легкостью клиент расставался с деньгами, едва речь заходила о здоровье Рейнбоу Дэш.

Помнится, сломанную и перекрученную на тренировке ногу зареванной маленькой поняши лечили бионанитами, да так, что уже к вечеру от тяжелой и сложной травмы не осталось и следа, помимо записи в медкарте. Обошлось это в круглую сумму, но Алекс Вендар и глазом не моргнул.

Тем временем печатающее устройство выдало заключение. Доктор, не удержавшись, сохранил себе копию, чтобы потом повесить на стену. Раз Алекс Вендар хочет превратить такой шедевр в конскую отбивную, то, по крайней мере, пусть сохранится память о видном достижении в профилактике понячьего здоровья.

– Рейнбоу, одевайся, – сказал Филип-Жозеф вслух, и пегаска с пунцовой мордочкой спрыгнула со стола и принялась натягивать одежду. – Мистер Вендар, на пару слов?

Алекс кивнул и, не оглядываясь, сказал:

– Дэши, выйди и жди меня снаружи.

Когда за лазурной пегаской закрылась дверь, Филип-Жозеф сказал:

– Вам известно об эрогенности зон возле крыльев хасбровских пегасов? Под ними и на спине между?

– Да.

– Простите, если лезу не в свое дело, но когда порете ее, избегайте попадания в эти зоны. Иначе могут быть проблемы.

Алекс Вендар остался невозмутим:

– Какого рода проблемы? – спокойно осведомился он и даже активировал на коммуникаторе программу для заметок.

– Сексуального. Фобии, задержки в развитии, вплоть до сбоя в программе. Соответственно, все полагающиеся психологические отклонения и расстройства личной жизни, если у нее таковая есть или будет.

– Меланхолия, агрессия, смена императивов программы?

– Вполне может быть.

– Что ж, я это учту. Благодарю Вас, доктор.

Когда за Алексом закрылась дверь, Филипа-Жозефа посетила мысль, что мистер Вендар сделал из разговора совсем не те выводы, которые подразумевались…

Впрочем, эта мысль очень скоро покинула разум доктора. Его ждали пациенты, а значит – любимое дело и немалые деньги…

* * *

…Первое, что почувствовала Рейнбоу Дэш, не желающая называть себя более Вендар, – это ощущение гладких, чистых простыней на мягкой кровати.

Огромные глаза судорожно распахнулись, и взору явилась больничная палата. Приглушенный шторами дневной свет лился сквозь широкое окно вместе с потоком свежего воздуха. Светло-бежевые стены украшали картины каких-то пасторальных пейзажей, а над каждой из четырех коек висели тусклые светильники, сейчас погашенные.

Дэш лежала на боку, на ближней к окну кровати, переодетая в зеленую больничную пижаму. На передней ноге красовалась свежая повязка, явно наложенная профессионалом: не тугая и не слабая, но плотно закрывающая рану.

И да, говоря о ране, надо заметить, что та чудовищным образом чесалась, но уже не болела.

В палате было тихо, с улицы практически не доносилось звуков. На соседних койках лежали завернутые в повязки лисица и Гайка, но обе, похоже, еще без сознания. К последней вообще была подключена капельница с парой прозрачных бутылочек.

Судя по размерам комнаты и кроватей, те были рассчитаны на людей.

А значит, нужно валить.

– Проклятье, – хрипло произнесла Дэш. – Где я, и где моя одежда?

Она попыталась встать с кровати. Оказалось, тело сильно ослабло, и получилось не с первого раза. А еще пегаску просто колотило при мысли, что кто-то переодевал ее в бессознательном и беспомощном состоянии.

Кроме того, судя по ощущениям, ее еще и вымыли.

Копыта глухо стукнули о мягкий коврик, когда пони, не до конца еще доверяя собственному телу, осторожно сползла на пол.

Сжав, зубы, она подошла к большому шкафу-купе, что скромно стоял у самой двери. Хотелось прогнать мысли о человеческих руках, которые стягивают одежду, чтобы потом обтереть, переодеть, перебинтовать… и неизвестно, что еще.

Внутри шкафа обнаружились все вещи. Аккуратно сложенная на отдельных полках выстиранная и отглаженная одежда. Седельные сумки тоже были тут, и почему-то Дэш была уверена, что нехитрый скарб в целости и сохранности. Чего бы неведомые спасители ни хотели от незваных гостей, это было явно не имущество.

Еще один повод делать отсюда копыта как можно скорее.

Дэш подошла к койке, где лежала Гаечка. Судя по обилию повязок, досталось ей куда сильнее, чем самой пегаске.

«С ними все будет в порядке, – подумала Рейнбоу, мимолетно оглянувшись на лису. – Я тут не нужна».

Повод был натянутый.

Все, буквально все кричало о реальности этого мира. Но радужная пегаска до сих пор отказывалась поверить до конца. Потому что это означало признать правоту окружающих.

И то, что она и вправду умерла и перенеслась сюда, на дорогу под светом двух солнц.

«Не бывает таких миров, где оживают кошмары, а потом ты просыпаешься в мягкой постельке, – пыталась рассуждать про себя Дэш. – Все может быть либо плохо, либо хорошо как в сказке. Причем первое в реальности, а второе в бреду. Особенно, если тут замешаны люди…»

Решив, что перетаскивать попутчиц в таком состоянии все равно невозможно, Рейнбоу решила сходить на разведку. А если повезет, то забаговать программу киберпространства, сделав что-то непредусмотренное.

Избавившись от дурацкой пижамы, она снова влезла в свой кожаный костюм, после чего даже не подумала воспользоваться дверью.

Переодеваясь, она на всякий случай осмотрела себя, и убедилась только в том, что застарелые шрамы от хлыста и впрямь начали рассасываться.

Пробурчав по этому поводу что-то нечленораздельное, пегаска вылезла в окно, за которым будто специально росло раскидистое дерево с толстыми ветками.

Прыжок с высоты второго этажа был просто легким трюком, которому она научилась еще будучи маленькой кобылкой с неокрепшим антигравом. Но когда пони спрыгнула с ветки, то осознала свою ошибку лишь за мгновение до приземления.

Раненую ногу прошила боль, и пегаска, перекувырнувшись, встала на три копыта, ругаясь сквозь зубы.

– Готовься, сраная виртуалка, – процедила пегаска, баюкая многострадальную конечность. – Рейнбоу Дэш идет надрать тебе круп.

С этими словами пони, прихрамывая, поцокала по гравийной дорожке. Пустынный двор больницы она пересекла, не обратив на себя внимания даже худого парнишки-садовника в белом фартуке, что флегматично постригал кусты живой изгороди.

«Тупой виртуальный бот, – подумалось в очередной раз. – Знать бы, кто меня подключил, и зачем…»

Городок оказался тихим и почти пустынным. Все здесь просто дышало каким-то спокойствием. Немногочисленные попадающиеся на глаза местные жители вообще походили на каких-то пациентов санатория: чистенькие, неспешные, о чем-то негромко разговаривающие.

«Даже сидят медленно», – как выразилась бы знакомая Литлпип.

Слышался откуда-то детский смех и тихая музыка, кривляние какого-то клоуна…

От мимолетного касания чужого праздника на душе сделалось противно, и пони постаралась скорее миновать это место. Не сразу соблазнилась даже ароматом свежей выпечки, призывно пощекотавшим нос и заставившим живот недовольно заурчать.

– Аппетит – это хорошо, – сказала Дэш сама себе. – Значит, на поправку дело идет.

Попадающиеся навстречу люди вежливо кивали или улыбались, будто старой знакомой, и это раздражало.

А еще откуда-то доносился голос из громкоговорителя, но с такого расстояния слов было не разобрать.

Несмотря на собственные мысли, пегаска все же задержалась у ларька с выпечкой и с удовольствием перекусила ватрушкой. Большой, мягкой и сладкой – как раз то, чего так не хватало в дороге. Даже если это виртуалка, набить чем-нибудь животик все равно хотелось. Прямо как по-настоящему.

Дожевывая на ходу остатки лакомства, Дэш сошла с главной улицы и, попетляв переулками, вышла на параллельную дорогу, в этот раз – булыжную мостовую. И не из набившего оскомину желтого камня, а из простых серых плиток.

Положа копыто на сердце, она не ждала, что с Дороги удастся сойти так легко. По крайней мере, без посторонних факторов типа панического бегства от диких зверей или там стихийного бедствия, например.

– Рейнбоу Дэш! Рейнбоу Дэш! – вдруг донеслось нестройное скандирование, потонувшее в аплодисментах.

Пегаска навострила уши. Это было уже что-то новенькое. Одно дело – воспоминания, упорно лезущие в голову. Но эти крики звучали наяву.

Следуя за шумом, до зубовного скрежета напомнившего гладиаторскую арену, Рейнбоу вышла к импровизированному стадиону. Ровная, покрытая утоптанной травой площадка была окружена трибунами в пяток рядов. А над расставленными в живописном порядке эстафетными препятствиями…

У Рейнбоу Дэш перехватило дыхание при виде фигурки, выписывающей в воздухе виражи и бочки.

Знакомой такой фигурки небесно-голубого цвета, оставляющей за собой быстро исчезающий радужный шлейф, как в гребаном мультике.

На постаменте с противоположного края стоял ведущий и проникновенно вещал в мегафон, растягивая слова:

– И, встречайте, серия новых трюков от Рейнбоу Дэш, единственной и неповторимой! Троекратной чемпионки Забега! Фаворитки зрительских симпатий! Уникальной исполнительницы Радужного Удара! Рейнбоу Дэш!

– Рейнбоу Дэш! Рейнбоу Дэш! – скандировали трибуны.

Пегаска, открыв рот, сама не заметила, как прошла между грубо сколоченными из толстых досок трибунами и вышла на площадку. Ее никто не остановил, правда, среди зрителей («Не таких уж многочисленных, хе!») воцарилась практически полная тишина.

Очевидно привлеченная этим фактом, красующаяся в воздухе самозванка заложила лихой вираж и спикировала вниз. На мгновение зависнув перед трибунами, где прокатился беспокойный ропот, она остановилась в воздухе прямо перед Рейнбоу.

Та, не в силах вымолвить ни слова, предельно внимательно окинула представшую перед ней пони с копыт до головы.

Висящая в воздухе пегаска выглядела… привычно. Вихрастая грива шести цветов, голубая шерстка, рубиновые глаза – все то, что Рейнбоу и сама привыкла видеть в зеркале. Одежда – спортивный костюм, похоже, производства «Хасбро», стилизованный под форму «Вондерболтс», только не такой вульгарно-обтягивающий. Дэш и сама носила такой в юности. Выглядела пегаска слегка запыхавшейся.

Не то чтобы Рейнбоу Дэш Вендар можно было удивить наличием двойника. Она прожила всю жизнь в мире, где радужная пегаска была чуть ли не самой популярной моделью пони-синтета, время от времени соперничая с Флаттершай и Твайлайт Спаркл.

Но встретить здесь одну из недорейнбоу – это было просто ниже пояса.

И самое главное, что вызывало у бывшей Вендар чувство горькой обиды и протеста – ровно и сильно режущие воздух крылья, держащие подтянутое тело в воздухе с той легкостью, которая теперь была желанна и недоступна.

– Хей, ты кто такая? – осведомилась тем временем двойник, уперев в бока передние ноги. – Откуда ты взялась?

– Я… Я кто такая?! – опешила Рейнбоу Дэш Вендар. – Это ты кто такая?!

Висящая в воздухе пони нахмурилась:

– Я Рейнбоу Дэш.

– Я тоже.

– Когда-то я носила прим-фамилию Кэмпбелл, – вторая радужная пегаска не растерялась.

Одной простой фразой эта пони подтвердила подозрения: она была из того же мира, что и Дэш Вендар. Тоже наверняка вытащенный программой виртуальности образ из памяти.

Вот только не было в клубе «Пони-Плей» никакой Рейнбоу Дэш Кэмпбелл. Впрочем, огромных городов на Земле было целых пять, и родной клуб не был единственным даже в Европейском Гигаполисе.

– Ты ведь тоже из мира Гигаполисов, да? – продолжила спрашивать тем временем та. – Чего молчишь?

– Т-ты… – выдавила бывшая Вендар, старательно давя накатывающие видения. Как и всегда, борьба была бессмысленной, но просто так радужная пегаска сдаваться не собиралась ни тогда, ни сейчас.

Рыжая пегасенка лежит на полу, прикрывшись передними ногами от посыпавшихся ударов.

– Бесполезная нелетающая дрянь! – кричит Рейнбоу Дэш Вендар, охаживая ученицу короткой палкой. – Неуклюжая неудачница! Сколько раз я должна в тебя вколачивать правильные движения?!

Из зажмуренных глаз все же прорываются слезы, вызывающие еще большую ярость радужной пегаски.

Но больнее, чем палка, бьют маленькую пони слова, вылетающие из перекошенного рта наставницы…

Тряхнув головой и отогнав навязчивые образы, Рейнбоу вскинула взгляд повлажневших глаз на терпеливо ждущего ответа двойника и закончила фразу:

– …самозванка!

– Сена-с-два! – выпалила вторая Дэш, приземляясь. – Кто еще тут самозванка!

Кровь ударила в голову.

Это было уже слишком. Обиду и чувство вины перед Скуталу просто смело чувством привычного боевого бешенства.

– Недорейнбоу! – зарычала Вендар, пригибая голову и готовясь избить, растерзать, прикончить это живое напоминание собственной вынужденной неполноценности.

– От недорейнбоу слышу! – принеслось в ответ с точно такими же интонациями.

Дальнейшее Дэш помнила как в тумане.

С рыком бросившись на соперницу, она тут же сошлась с ней в жестком клинче. Положа копыто на сердце, лишь в таких обстоятельствах она чувствовала себя как никогда уверенно. Бой с другой пони – что могло быть естественнее для Рейнбоу Дэш Вендар, чемпионки Арены?

И лишь обменявшись с радужной самозванкой серией ударов, она вдруг начала понимать, что… проигрывает.

Тело, проклятое, ослабшее, раненое и нелетающее тело, подводило.

«Не может быть! – изумилась пони. – Только не я! Только не так!!!»

Но факт оставался фактом: находящаяся на пике формы спортсменка, оправившись от первого шока, уверенно теснила изможденного, раненого профессионального гладиатора. Ни опыт, ни боевое искусство не могли компенсировать разницу в банальной силе и выносливости: уже через полминуты спарринга Дэш почувствовала, что совершенно вымоталась, а копыта будто наливаются свинцовой тяжестью…

Неожиданно противницу резко дернуло назад. А в следующее мгновение и сама Дэш почувствовала, как чьи-то сильные руки хватают за верхние плечи и оттаскивают прочь.

– А ну, пусти! – хором крикнули обе Рейнбоу.

Очевидно, несколько зрителей подбежали к клубку из ног, пыли и летящих перьев, чтобы разнять двух дерущихся пони, отличающихся разве что одеждой и деталями вроде пирсинга, шрамов и прически.

– Боже мой, они даже вырываются одинаково, – сокрушенно проговорили позади Вендар, и

вновь раздался двойной крик:

– Не смей меня с ней сравнивать!

– Девочки, – строго сказал человек, державший ту Рейнбоу, что пыталась взлететь, – у вас есть выбор: вы либо успокаиваетесь сами, либо ведром с холодной водой. Уже несут.

Две радужные пегаски переглянулись, и в этих взглядах уже не было агрессии.

Что касается Вендар, ту и без того будто облили ледяной водой.

Образы беспомощной Скуталу, которую словно плетью стегают злые слова радужной пегаски, накатили с новой силой и унесли куда-то гнев и ярость той, что только что готова была снова убивать.

«Чуть не сорвалась, – подумала бывшая Вендар. – Хотя не «чуть». Сорвалась позорно, как есть, разве что нюни не распустила».

Видимо, борьба чувств отразилась на мордочке, потому что двойник, расслабившись в руках двух людей, сказала:

– Ладно, ребята, я согласна не продолжать эту драку, в которой явно побеждала.

– Если бы я не была в таком состоянии, то я бы тебе наваляла, – огрызнулась бывший гладиатор.

Ответом послужила наглая усмешка. Такая же, как собственная, и от того вдвойне противнее:

– Расслабься, старушка, я тебя просто щадила, а то бы отделала на двадцать процентов сильней.

Дэш уже хотела было рявкнуть, что ей всего двадцать фактических, но вдруг вспомнилась юность (которой она считала весь период до первого изнасилования), а также старшую подругу по прим-фамилии Хоул. Учившую жизни с присущей той цинизмом, но умудрившуюся хотя бы частично снять розовые очки с одураченной хозяином поняши.

«Да, и полюбуйся на себя, – мысленно сказала она себе. – Тощая, оборванная, поблекшая от изможденія, кровопотери и пьянок… Неудивительно, что выглядишь на все сорок».

Вторая Дэш, видимо, ожидавшая колкости и приготовившаяся встретить врага во всеоружии острого язычка, увидела, как у неведомо откуда появившейся соперницы грустно опустились

уши. Она оглянулась на державших ее людей, и те, кивнув, отпустили пегаску.

Та подошла к изможденной, покрытой шрамами копии, но не для того, чтобы напасть.

Рейнбоу Дэш Вендар услышала, как полный сочувствия голос поинтересовался:

– Эй, подруга, ты в порядке?

Она подняла глаза.

«Подралась и не стало легче, – безжалостно падали мысли. – Набросилась на другую пони лишь потому, что той повезло чуть больше. Молодец, Дэш. Ты просто молодец! Ничему не научилась… тупая цветастая кобыла»

– Девочки, как насчет того, чтобы поговорить спокойно? – предложил мужчина, державший Дэш Вендар, и при этих словах отпустивший ее. – Без копытоприкладства?

– Ладно, – сказали пони снова хором. Вендар – мрачно буркнула, а ее двойник – с легкой улыбкой.

– Идем, – вдруг сказала та, что находилась в лучшей форме, – похоже, нам надо многое обсудить.

– Например? – буркнула другая, но все же пошла следом за ней.

– Например, поведать друг другу свои истории?

– На кой?

– Ну, например, чтобы не было недомолвок.

«Не подло́вите!» – подумала бывшая Вендар, а вслух сказала:

– Хорошо. Но ты первая.

– Дэши? – позвали рядом, и обе пони обернулись.

– Отменить выступление? – спросил один из подошедших зрителей, светловолосый и при этом смуглый.

Обращался он, понятное дело, к летунье.

– Да, Твий, – кивнула та. – Видишь, у меня тут появилось срочное дело. Покажу свои новые трюки в следующий раз.

– Без проблем. Встретить Идущего – это важно.

«Опять это сено гнилое», – зло подумала вторая Дэш, но вслух ничего не сказала.

Две пони вышли со стадиона и поднялись по склону. Вторая Рейнбоу тоже шла пешком, не иначе из вежливости. Бывшая Вендар же чувствовала себя от этого только хуже.

Вскоре они дошли до небольшой гряды, где и уселись на нагретых солнцем камнях.

Без напоминания Дэш-спортсменка начала рассказывать:

– Насколько я поняла, ты из того же мира, что и я. Тогда, не вдаваясь в детали, начну с того, что там, в прошлой жизни, я не могла летать. Не смотри на меня так, это была прихоть хозяина: Рейнбоу Дэш без полетного драйвера.

– Что?!

– Поэтому я не стала насмехаться над тобой. Знаю, каково это.

– Но откуда ты?.. – снова начала Дэш Вендар.

– Ты пришла пешком на стадион, – начала перечислять странная двойник. – А еще – твои движения в драке. Если бы ты могла летать, то использовала бы для равновесия крылья, стоя на двух ногах. Я бы сама так же двигалась, если бы мой антиграв сбоил. Да что там, я сама так двигалась большую часть своей короткой реальной жизни.

– Удивительно, – кисло заметила Вендар. – А теперь расскажешь мне душещипательную историю своей гибели?

– Да нету там ничего душещипательного. Я просто выпрыгнула из окна через неполный год такого… существования. С тринадцатого этажа.

– Ну и дура.

Сказав это, Рейнбоу Дэш почувствовала укол стыда: сама она пыталась покончить с собой с помощью ножа, лишь бы больше не терпеть издевательства Алекса Вендара.

– Кончать с собой не было самоцелью. Я решила, что или полечу, или сверну себе шею, – сказала вторая радужная пегаска, не обидевшись. – Но не случилось ни того, ни другого. Я переломала себе все кости, и в таком виде меня нашел один человек. Отнес в госпиталь, где я и откинула копыта от внутренних повреждений. Стивен, кажется, так его звали. Думала, попаду в Эквестрию. Очнулась здесь. В горах. Там и поняла, что теперь могу летать. Училась, что называется, на ходу. Теперь прижилась в этом городке и решила, что мне и тут хорошо, пока есть соревнования, кусок неба над головой и крылья за спиной. В кои-то веки, способные меня поднять.

– А я вот не могу почему-то больше.

– Хочешь, попробую научить тебя летать? – навострила уши двойник.

– Не надо, – буркнула Дэш Вендар.

– Нет, ну а что? Это чокнутый мир, мы две чокнутые разноцветные лошадки, так почему бы той, кто всю жизнь не умела летать, не попробовать научить ту, кто… разучилась?

Бывшая гладиатор лишь промолчала, и Дэш Кэмпбелл снова не выдержала первой:

– Ты не будешь меня расспрашивать?

– А надо?

Повисла пауза. Потом Вендар сказала:

– Пожалуй, вернусь-ка я в клинику. Порежут на органы – ну и пусть.

– Да брось. Ты в Мире Дорог. Просто не хочешь верить в то, что в кои-то веки не окружена лживыми ублюдками.

Дэш Вендар сжала губы. Двойник видела ее насквозь. Конечно, легко понимать чувства другого, если в голове у обеих – одна и та же программа. Или, по крайней мере, одинаковые поведенческие императивы.

– Поговори с доком, – продолжила тем временем вторая Рейнбоу, – может, он сможет что-то сделать с твоими крыльями. В конце концов…

Она не закончила и осеклась, но Вендар не стала переспрашивать: это означало подтолкнуть беседу именно в требуемом программой виртуальности направлении. Однажды уже попалась на этом, хорош.

– Пойдешь с нами? – задала она провокационный вопрос, а про себя решила:

«Если она обрадовано согласится, значит, точно виртуальный бот».

– Шутишь? – удивилась Рейнбоу-спортсменка. – Бросить Игру? Поклонников?.. Бросить того, кто стал мне дорог, наконец? Не, я уже прошла один путь. Земной. А здесь мои мечты сбылись, и другого мне не надо.

– И кто стал тебе дорог? – спросила она, почему-то подумав про того парня-человека на стадионе, к которому соперница обратилась по имени.

– Один жеребчик, который тоже решил остановиться на Пути. Уж не знаю, надолго ли.

– Небось, Соарин?

– Агась. Прим-фамилия у него смешная, Пишчек.

На скулах Дэш Вендар заиграли желваки. Никто не знал о том, что ей в прошлой жизни нравился именно этот пегас. Ни Алекс, ни кто-либо еще. Она собиралась рассказать хозяину, но не успела: тот впервые изнасиловал ее той ночью, и потом все покатилось в тартарары.

Никто не мог этого знать.

«Живешь моей жизнью, сука, – завертелись злые мысли. – Летаешь на моих крыльях, купаешься в моей славе, спишь с моим жеребцом… Ну и подавись!»

Рейнбоу тем временем продолжала:

– До сих пор не верится. В этом мире я обрела все: свободу, крылья, любовь…

– Ты хочешь сказать, что у меня отобрали крылья, чтобы отдать их тебе? – не выдержав, спросила Дэш Вендар спокойным голосом, хотя внутри у нее все клокотало от гнева и ревности.

И тут же пожалела о сказанном, такое на мордочке второй пегаски появилось возмущение:

– С ума сошла?! Никогда, слышишь, никогда Рейнбоу Дэш не купит свою мечту такой ценой! И даже если по факту это так, то знай: меня никто не спрашивал. А если бы спросил, я бы не согласилась. Ты и сама это знаешь.

Между радужными пегасками повисло молчание. Первой было совестно, а вторая не могла

подобрать слов от возмущения.

Дэш Вендар поднялась.

– Я пойду. Прости, что сорвала тебе выступление.

– Это… из-за Соарина? Хочешь с ним увидеться?

– Не хочу.

– Ты так ничего мне и не объяснишь, да? – поинтересовалась двойник, оставшись на месте.

– Даже не надейся.

– Ты Идущая. Должна была что-то понять при встрече со мной…

– О, я поняла. Наверное, даже скажу тебе спасибо. Но чем меньше звучит вслух моих мыслей, тем лучше.

Радужная пегаска, которой достались мечты измученного гладиатора, вздохнула, но не стала настаивать:

– В таком случае, удачи в Пути, Рейнбоу Дэш. Пусть он будет легок.

– Ага, как же, – буркнула Вендар, – дождешься тут легких путей… Бывай, подруга.

Смотря вслед радужному (хотя и несколько поблекшему) хвосту, Дэш Кэмпбелл думала, что вся ее предыдущая жизнь вела к этому моменту. Чтобы направить вот эту Рейнбоу. Цель была выполнена, но ответов пегаска не получила, в чем не было ничего удивительного: она и сама не стала бы сильно откровенничать в Пути. Особенно в его начале.

Исчерпывающие же ответы на все вопросы можно было получить в Мире Дорог только в одном месте: в Белом Шпиле.

А еще Рейнбоу Дэш Кэмпбелл поняла, что пойдет туда. Не сегодня и не завтра, но раньше или позже любопытство погонит ее вперед.

И это почему-то больше не пугало.

Ведь если одна Рейнбоу Дэш находит в себе силы идти по пыльной Дороге, несмотря ни на

какие лишения и страдания (взглянуть только на то, как ей досталось!), то и другая сможет.

* * *

В клинику радужная пегаска вернулась без труда.

И конечно, тем же способом, что и выходила: через раскрытое окно.

Попасть на второй этаж было бы делом плевым, будь антиграв в рабочем состоянии. Да что там, дома Дэш редко когда пользовалась дверью, залетая к себе в комнату.

Сейчас же снова пришлось воспользоваться раскидистым деревом, что росло неподалеку от окна. Ругаясь на чем свет стоит на разболевшуюся ногу, пегаска подтянулась и совершила подъем с переворотом на ветку. Еще несколько заученных движений – и тело мощным рывком оказалось заброшено в оконный проем.

Перекувырнувшись, Дэш неловко встала на ноги: изможденный долгим переходом, раной и недавним перенапряжением организм снова едва не подвел.

С трудом сохранив равновесие, Дэш снова выругалась, осмотрелась и увидела, что Гайка уже очнулась и сидит на кровати рядом с книгой. Судя по формату, карманного издания, но для миниатюрной мышки это был настоящий фолиант. Очевидно, читала после того, как очнулась.

Вид у мышки был обеспокоенный и бледный.

– Доброе… э, утро? – неуверенно поздоровалась пони.

– Ближе к обеду, на самом деле, – отозвалась мышка. – Куда ты пропала?

– Ходила глючить виртуалку, – еще дыша немного тяжело, ответила пегаска, – Я попыталась сойти с дороги и ни к чему хорошему это не привело… Гайка, ты в порядке?

Мышка вздохнула:

– Почти в полном. Слабость только…

– Та же фигня. И я тоже рада тебя видеть.

Мышка облокотилась на книгу и сказала:

– Сразу отвечаю на твои вопросы. Мы в клинике, что стоит в городке Витваллё. Пока мы были без сознания, нам оказали медицинскую помощь, и ничего за это не требуют, потому что мы – Идущие. Здесь эта теория о Пути – почти религия. Лисичку зовут Олли, и ее тут, оказывается, знают. Как-то так.

– Исчерпывающе, – задумчиво проговорила Дэш, снова обведя палату взглядом.

– Скоро должны принести обед, – сообщила Гайка.

– Надо валить, – сказала Дэш.

– Что? – удивилась Гайка. – Но почему?

– Я не верю, что им от нас ничего не надо, – ответила пони, – и ни разу не хочу выяснять детали.

– Ты разве не слышала, что я сказала? Здешние люди…

– Слышала, – резко перебила пегаска и открыла шкаф. – И не устану повторять: человекам нельзя верить. Особенно тем, кто предлагает помощь.

– А как же доктор Салазар? – участливо спросила Гайка.

Рейнбоу глубоко вздохнула. Затем еще раз. Уселась на пол и оглянулась на выжидательно смотрящую мышку.

– Исключение, подтверждающее правило, не более того, – сказала, наконец, пегаска. – Да и я была тогда младше и наивнее.

Гайка не успела ответить.

Дверь открылась, и на пороге появился пожилой доктор. Не тот, которого мышка видела раньше.

Этот человек выглядел моложе: на вид было лет пятьдесят-шестьдесят, но что значат годы здесь, вне времени? Гайка уже давно смирилась с тем, что это измерение – своеобразный загробный мир, хотя глубокой критики не выдерживала пока и такая версия…

Немолодое лицо человека было испещрено морщинами, в уголках зеленых глаз собирались добрые «лучики». Немногочисленные седые волосы доктор старательно зачесал назад и вообще, казалось, вид имел самый обычный для пожилого медработника, не сказать даже, стереотипный, воспетый множеством сериалов и фильмов.

Традиционный белый халат поверх костюма был безупречно чист, а карманы оттягивал сканер-диагност и какие-то инструменты. В общем, ничего, с точки зрения Гайки, особенного.

Тем страннее оказалась реакция Рейнбоу Дэш.

Крылья пегаски распахнулись во всю ширь, а на мордочке появилось выражение настоящего потрясения. Рейнбоу выглядела так, будто увидела как минимум привидение.

Взгляд зеленых глаз тоже остановился, упав на пони.

Время как будто замерло, пока человек и пегаска таращились друг на друга.

– Рейнбоу Дэш Вендар? – спросил, наконец, доктор. – Это правда ты?

Гайка хотела было предупредить человека, чтобы он не произносил прим-фамилию радужной поняши, но та еще раз удивила мышку своим поведением.

Дэш еще несколько секунд смотрела на доктора… и вдруг кинулась к нему в объятия, без стеснения начав всхлипывать…

Человек, присевший на корточки и обнявший лазурную пегаску, гладил ее по гриве, и Гайка с изумлением видела, как не терпящая чужих прикосновений пони только крепче прижимается и подставляется под морщинистые руки…

– Дэши, Дэши… – говорил тем временем человек исказившимся голосом.

– Доктор Салазар, – всхлипывая, сказала пони. – Это Вы…

Рейнбоу Дэш Вендар, чемпионка Арены, безжалостный гладиатор и жестокая убийца, больше не сдерживалась. Уткнувшись в плечо единственного человека, к которому не утратила доверия, она навзрыд, в голос разрыдалась.

Гайка смущенно отвела взгляд и встретилась глазами с лисичкой Олли, что, очнувшись, сидела на соседней кровати. На белой мордочке было понимающее и сочувствующее выражение.

Рейнбоу продолжала рыдать в объятиях доктора. Слез было много, словно они все это время

копились, не решаясь показаться наружу. Но сейчас сильная и гордая пегаска не сдерживала себя.

– Прости слабого старика, прости, – говорил тем временем доктор, глаза которого тоже наполнились слезами.

– За что же? – всхлипнула Дэш.

– Я все ему рассказал, все… – в полном отчаянии сказал человек. – Все оставшиеся годы и потом тут я презирал себя и ждал, когда ты появишься… И вот ты здесь…

…взглянув в глаза доктора Салазара, Алекс увидел там холодную решимость и понял, что для поимки беглянки придется прибегнуть к силе.

Системы защиты дома Вендар уже отключил персональным нулификатором, справиться же с куда более молодым и сильным человеком самому у доктора не было шансов.

Прежде, чем заговорить, пожилой человек продержался почти пять минут, и Алекс счел, что он отважный человек.

Выходя из дома, Вендар не опасался: что-либо предъявить доктор не посмеет. В конце концов, укрывательство беглых синтетов – достаточный повод для лишения лицензии.

А Филип-Жозеф Салазар вряд ли захочет таких проблем перед очередным омоложением…

Гайка было подумала, что Рейнбоу сейчас опомнится и отстранится, а то и полезет в драку.

Но нет.

Та, ткнувшись носом обратно в плечо доктора, вновь сотряслась в сдавленных рыданиях.

Слезы все не иссякали. Сунувшаяся было в палату медсестра, не говоря ни слова, торопливо исчезла, аккуратно притворив дверь: очевидно, подобные сцены были для клиники не впервой.

Белая лисица спрыгнула с кровати и, прихрамывая, подошла к человеку и Рейнбоу. Успокаивающе ткнулась мордочкой и лизнула в щеку рыдающую пегаску. Та скосила глаза. Язычок зверька оставил в голубой шерстке недлинный след, но, казалось, подвел какую-то

черту.

Судорожно всхлипнув, радужная пони сильнее прижалась к пожилому человеку.

Гайка могла только догадываться, какие мысли крутились сейчас в вихрастой голове. Новые сомнения? Мысли о побеге? Или еще что в этом же духе?

И в то же время Гайке хотелось присоединиться к объятиям, но капельница не позволяла: сдвинуть штатив самостоятельно у мышки бы не получилось при всем желании.

Доктор Салазар, еще раз погладив по шее пегаску, спросил:

– Как ты себя чувствуешь, Дэши?

Та ответила не сразу, несколько томительных мгновений собираясь с силами:

– Рана – лучше, доктор.

Она так и не разомкнула объятий, и доктор уточнил:

– А остальное?

Пегаска снова помедлила. Подняла взгляд рубиновых глаз сперва на человека, потом покосилась на белую лисицу, на терпеливо ждущую Гайку Коннорс.

– Остальное… – тихо сказала она и опустила веки. – Доктор, если это виртуалка… если это бред… Я не хочу больше. Это слишком больно, вспоминать прошлое, все эти ошибки и преступления.

Морщинистая рука вновь погладила пони, и та умолкла.

Человек же сказал:

– Ты помнишь, что многие виды лечения причиняют боль малую, чтобы изгнать большую? Я не буду обещать тебе, что Путь будет легким, но поверь, в конце ты поймешь, что так было нужно.

В душе Рейнбоу бушевали противоречивые чувства. С одной стороны, она в кои-то веки получила здесь более понятный ответ. А с другой, этот был в том же духе, что и от других.

– Это не виртуальная реальность, – сказал доктор Салазар. – Это приходило мне в голову, но…

Нет никакого смысла объединять сознания в подобную сеть, создавать целый мир.

– Но что тогда? – спросила неожиданно для самой себя Гайка Коннорс. – Кому это понадобилось?

Доктор не стал возражать, а начал просто рассказывать:

– Когда-то этот мир был обычным. В чем-то привычным таким как мы. Но однажды случилось нечто… неизвестно, что послужило тому причиной. Так уж получилось, что все дороги развитой транспортной сети превратились в Пути. И естественно, ступившие на них люди либо доходили до конца, либо уходили из этого мира навстречу собственной судьбе, либо оставались где-то на обочинах. Появились первые Идущие из других миров.

– «Мир ушел», так нам сказали, – буркнула Рейнбоу. – И что теперь? Вселенское Чистилище?

– Разве ты нуждаешься в искуплении грехов, Дэши? – вопросом ответил доктор Салазар, и пегаска, закусив губу, отвела взгляд. Ее и саму терзал этот вопрос, который она наряду с другими гнала прочь.

– Я победила страх, – сказала она, наконец. – Что еще от меня хотят?

– Очевидно, что этот страх – еще не все. Тебе самой нужно понять дальнейшее, Дэши. – доктор перевел взгляд на других пациентов. – И тебе, Гайка. И даже Олли, которая, хоть и старается помогать другим, начисто отказывается думать о собственном Пути. И при этом считает, что этого никто не видит лишь по причине отсутствия дара речи.

На этот раз смущенной выглядела белая лиса: острые уши опустились. Доктор же продолжил:

– Дорога не зря свела вас вместе. Что-то объединяет вас всех, и это вовсе не страх и не прошлое. Большего я вам не в силах сказать. И не из вредности, а просто потому, что не знаю.

Рейнбоу вздохнула.

– Ладно. Я сдаюсь. Это не виртуалка. Это не бред. Это и вправду другой мир… Можно мне теперь идти?

Доктор возразил:

– Я бы предпочел, чтобы вы остались еще как минимум на осмотр. Регенеративной терапии в этом мире нет, а традиционными методами… Лучше оправьтесь еще немного. И кстати, – в голосе человека появились строгие нотки, знакомые Рейнбоу с детства, – Дэши, почему ты не в пижаме и не в постели?

Пегаска не ответила сразу и тут же пожалела, потому что доктор Салазар пригляделся и добавил:

– И что-то я не припоминаю у тебя разбитой губы…

– Подралась? – спросила Гаечка с кровати, и пони мысленно пожелала мышке зашить рот.

– С Рейнбоу Кэмпбелл, верно? – уточнил доктор. – Можешь не отвечать. Эти опущенные глаза и уши мне знакомы сорок лет. Насмотрелся на Рейнбоу-врушек.

– Во имя всего съестного! – воскликнула пегаска, схватившись за голову. – Да что же это! Выворачивают душу наизнанку, ранят, а потом же еще и отчитывают!.. Неужели ни от кого не дождаться здесь хоть капельки сочувствия?!

– Немедленно в кровать, Дэши, – строго сказал доктор, не обращая внимания на тираду пони.

Та, встретившись с ним взглядом, со вздохом принялась расстегивать куртку. Спорить было бесполезно. Тем более, Рейнбоу и сама себя чувствовала неправой: несправедливо обвинила всех вокруг, сбежала из больницы… и добро бы пошла просто развлекаться, так ведь сорвала представление, в драку полезла…

Хмуро оглядев всех присутствующих, Рейнбоу прикрылась хвостом, натянула обратно зеленую пижаму и обреченно плюхнулась на кровать.

– Что ж, – резюмировал доктор, пряча улыбку, – по крайней мере, это по-прежнему дисциплинированная и сознательная Дэши, которую я знал. Ну-с, приступим…

* * *

…День рождения для синтетов – символическая вещь. Кто-то считает им день изготовления, напечатанный на ярлычке-чеке, кто-то – дату выхода синтета из контейнера. Третьи же берут дату из соответствующего мультика или игры, и не заморачиваются.

Давно, много лет назад, Алекс Вендар не стал отступать от традиции, и днем рождения Рейнбоу Дэш стал тот, когда радужная пегаска появилась в доме.

И с тех пор, как пони вышла на Арену, ей всегда предоставлялся целый день, чтобы делать что

угодно. Разумеется, в разумных пределах и с непременным докладом, где и что.

Но это не омрачает настроения радужной пегаски.

Потому что это – ее первый день рождения не дома. Можно полететь в «Галакси Плазу», можно весь день объедаться, можно…

Мысль обрывается на волне радужных восторгов.

Первый день рождения.

Не дома.

Это просто офигенски круто!

Спеша поделиться этой мыслью с друзьями, Дэш забегает по ставшим уже такими знакомыми ступенькам крыльца клуба «Пони-Плей».

Ага, вот и друзья. Сидят за одним из столов все вместе.

«Отлично, не придется их искать!» – думает юная Вендар и слегка пружинистой походкой приближается.

Бейн Блейд, Рейнбоу Дэш Хоул и Твайлайт МакАлистер. Все здесь, с серьезными мордочками, и смолкают, едва приближается младшая в их маленьком коллективе.

Сердце тревожно бухает в груди. Что-то случилось? Кто-то погиб на Арене? Такое случается, когда жестокие хозяева требуют от маленьких разноцветных пони боя насмерть.

«Палец вниз, каюк поняше», – так говорит в таких случаях тертая жизнью Дэш Хоул.

Рейнбоу подходит и садится на свободный табурет, свесив хвост.

Ну почему какая-то фигня должна была случиться в такой день?!

– Привет, – здоровается она. – Че как?

Серьезные мордочки друзей вдруг расплываются в улыбках. В такой момент покрытые шрамами гладиаторы вдруг становятся так похожи на свои образы из мультика: добрые, дружелюбные и жизнерадостные цветные лошадки.

Не бросаются в глаза грубый шрам Бейн Блейда, отрезанный кончик уха у Твайлайт, и даже Хоул, на которой живого места нет, будто оживает с этой улыбкой. Почти такой же, как Дэш Вендар видела в мультике.

– С днем рождения, ерзик! – говорит старшая Рейнбоу.

На свет появляются цветастые коробочки с бантиками. Настоящие подарки. Алекс, конечно, поздравил воспитанницу первой, но он это делает каждый год. А вот когда тебе в первый раз устраивают праздник друзья… Да, первый раз всегда волнителен. Что бы это ни было.

Рейнбоу замечает, что Твайлайт, пододвигая завернутую в блестящую бумагу книгу («Что еще может подарить Твайлайт Спаркл?»), слегка краснеет. А может, радужной пегаске кажется из-за мигающего разноцветного освещения.

Название гласит: «Зена – королева воинов. Избранное фэндома». Интересно, почему все-таки единорожка так отчаянно краснеет?

Оказалось, друзья просто хотели сделать Дэш сюрприз. И немного перестарались, пытаясь выглядеть невозмутимыми. Все же гладиаторская жизнь накладывает свой след.

За непринужденной болтовней проходит немного времени. Дэш вскрывает все подарки. Несколько серебряных украшений для брони, свидетельствующие о достижениях Арены, от Бейн Блейда. Настоящее серебро, а не блестящий пластик штатных знаков отличия. Суровый фестрал знает, что любит Дэш. Виртуальная программа «Облачный дом Понивиля». Симулятор для релаксации, изображающий волшебный дом Рейнбоу из мультика. Дэш Хоул расстаралась, хотя ей в этом плане легче: судит по себе.

Появляются на свет сладости и безалкогольный сидр. В дань уважения к имениннице, которой хозяин строго-настрого запрещает потреблять спиртное. Праздник начинается, и Рейнбоу чувствует что-то совершенно новое.

– Я хочу сказать тост, – приподнимается Твайлайт Спаркл, и все почтительно смолкают. – Давайте выпьем за…

Проходящая мимо Даймонд Тиара Ингред презрительно бросает:

– Радужные сопли!

После чего ускоряет шаг и направляется в сторону санблока. Судя по голосу, юниорская чемпионка в очередной хандре, усугубленной алкоголем «Эпплджек Дэниелс», что гонят местные умельцы. Редкостная гадость, по словам Рейнбоу Дэш Хоул, это единственное крепкое пойло здесь. По крайней мере то, что по карману синтетам.

Дэш Вендар вскакивает, но ее удерживают в четыре копыта Бейн Блейд и Твайлайт.

– Да плюнь ты, – говорит лавандовая единорожка, – она того не стоит.

Радужная пегаска усаживается, но из головы не идет презрительная насмешка розовой пони.

Видимо, это отражается на мордочке, потому что друзья многозначительно переглядываются и начинают изо всех сил направлять мысли юной Рейнбоу туда, где им всегда рады: в обсуждение достижений.

– Мне нужно отлучиться, – говорит вдруг Дэш Хоул, вставая.

– Куда? – обеспокоенно настораживается Вендар.

– Отлить, – в своей прямолинейной манере заявляет старшая подруга, ухмыляясь. – Ваш безалкогольный брандахлыст творит чудеса со старой Хоул.

Повернувшись хвостом к покрасневшим мордочкам, бывалый гладиатор отправляется в санблок.

Без нее разговор не клеится. Рейнбоу Дэш Вендар налегает на бутерброды с маслом и вольт-яблочным джемом: любимое лакомство немного отвлекает от нерадостных мыслей.

Проходит минут десять, прежде чем из неприметной двери, рассчитанной на пони, показывается Хоул. Приостанавливается и, взяв с ближайшего стола салфетку, протирает копыто.

Небрежно промахнувшись мимо мусорки, Хоул возвращается к столику. Искренне улыбается и говорит:

– Я хоть и не мастер произносить речи, но я закончу то, что начала Твайлайт. Давайте выпьем за нашу именинницу. За Рейнбоу Дэш Вендар. Единственную и неповторимую.

Тост встречает волна одобрения от всех друзей.

Кружки из ненастоящего дерева с глухим стуком сталкиваются…

…Задремавшая было после процедур Рейнбоу Дэш открыла глаза и с трудом удержалась, чтобы снова не расплакаться.

Проклятое прошлое продолжало преследовать ее. Не наяву, так во сне, видения каждый раз настигали. Бесконечные напоминания о том, как ее детские мечты и юношеские идеалы были безжалостно уничтожены по прихоти Алекса Вендара.

О том, как боль и страх заставили ее саму растоптать те робкие ростки дружбы, что взошли в ее жизни подобно цветам среди холодных камней.

Пегаска повернулась на другой бок и обнаружила, что Гайка тоже не спит: сидит и по-детски кутается в тонкое одеяло.

Для миниатюрной мышки кровать была огромна. И смотрелась она на этом белоснежном просторе очень одиноко и жалко.

– Что с тобой? – спросила пегаска неожиданно даже для самой себя. – Тоже тыркнуло?

Гайка ответила не сразу. Пару секунд сидела, таращась перед собой, потом все же повернулась к собеседнице:

– Ты была права, Дэш, нам надо идти.

И столько паники было в этом обычно спокойном, добром голосе, что Рейнбоу впала в легкое замешательство. Кроме того, в подключичную вену мышки все еще была входил катетер капельницы, а каждое движение давалось с заметным усилием. И как только здесь оказалась капельница, рассчитанная на маленьких существ?

Со стыдом пегаска поняла, насколько жалко выглядела сама, когда пыталась бежать от своего прошлого. Да что там, она бежала до сих пор, и даже осознав это, не была готова остановиться.

Поэтому Рейнбоу, стараясь придать голосу спокойные интонации, покачала головой:

– Не-а, не пойдет. Ты едва можешь двигаться, как, впрочем, и белая лиса, которую мне, я так полагаю, придется на своем горбу нести, да?

Взгляд рубиновых глаз метнулся к соседней койке, где лежала в позе сфинкса белая лиса. Когда Рейнбоу произнесла свою фразу, та сразу как-то стушевалась и отвела взгляд.

Дэш кивнула:

– Будем считать, что ответ утвердительный.

– Дэш… – начала было Гайка, но пегаска отрубила:

– Я сказала – нет. Пока не поправишься, мы никуда не уйдем. Как бы мне самой ни хотелось. Ты мне нужна живая и здоровая, чтобы отгонять волков и отговаривать от того, чтобы проломить череп первому попавшемуся человеку.

В голубых глазах Гайки заблестели слезы, но Дэш не дала даже начать:

– Да не брошу я тебя, сказала же! А пока – отдыхай.

Положа копыто на сердце, ей и самой было не по себе в этой чистой и безопасной больнице. Особенно после произошедшего накануне. Пусть жуткий волк остался там, в каньоне, но кто поручится в этом безумном мире за то, что он не выжил?

И Дэш до дрожи боялась, что вновь услышит леденящий душу вой белого зверя с человеческими глазами.

«Наверное, и Гайка этого боится, поэтому и хочет свалить поскорее», – решила она про себя, а вслух спросила, наклеив на мордочку ухмылку:

– Что, теперь я буду той, кто всех успокаивает и спасает, да? Чего там у тебя, привидение увидала?

Гайка отвела взгляд. Видимо, не по душе была такая смена ролей.

– Не совсем. Просто с доктором сюда заходили дети. Человеческие дети.

– И что с того?.. А, кажется, врубилась. Боишься их, да?

Гайка не стала отпираться:

– Ужасно.

– Но почему? Ты не испугалась там, на заводе… А я ведь была крупнее и сильнее, и если бы знала, что лазер у тебя маломощный, расплющила бы копытом. Одним гребаным ударом. Да что там, буквально вчера ты бросилась на здорового волчару с гвоздем! В чем дело?

Гайка снова сделала паузу, прежде чем ответить:

– Разница в том, что если ты встречаешься с ребенком, который настолько больше тебя, то это даже хуже, чем злобный зверь, – она посмотрела на Рейнбоу, – или обезумевший гладиатор. Потому что ты знаешь, чего от них ждать, а дети непредсказуемы.

– Подумаешь, человеческий сопляк, – буркнула Дэш.

Гайка будто не слышала:

– Ребенок… ребенок может быть не менее жесток, но что хуже всего – он даже не осознает этого. Просто потому, что ему никто не объяснил. Или потому, что ему плевать и хочется посмотреть, что у тебя внутри делается. А теперь представь ребенка ростом с дом и не желающим слушать ничего, кроме собственного «хочу».

Рейнбоу представила. Сделалось жутко.

Она поджала губы в задумчивости. Врачевать души и поддерживать кого-то в трудную минуту – вот этого она не умела. Никто не учил этому будущего гладиатора.

– Типа… – начала пони, чувствуя себя донельзя глупо, – дети не все такие.

– Я знаю… просто ничего не могу с собой поделать. Этот страх просто въелся в меня.

Дэш вздохнула, когда память услужливо подкинула еще одно воспоминание. Такое давнишнее, что, кажется, вообще произошло в другой жизни.

– Если обещаешь не хандрить, расскажу историю из жизни, – пообещала она.

В этот раз ей, похоже, удалось удивить Гайку. И не только ее, но и притихшую невдалеке лисичку, что моментально навострила уши.

Рейнбоу страдальчески закатила глаза:

– О, только без этого!.. Вот вам история, только перестаньте строить из себя депрессивную меня. Она давно произошла, и я, конечно, ее не рассказывала никому. И к слову, если проболтаетесь, я буду все отрицать. Потому что я была тогда мелкая и глупая…

…По аккуратному, выверенному по линейке саду бежит маленькая пони голубого цвета с радужной гривой и хвостом, одетая в спортивные шорты и майку с символикой «Вондерболтс». На непослушной всклокоченной гриве красуется красная бейсболка козырьком назад.

Безмятежный вид портит только черная полоса кожаного ошейника с мигающим датчиком.

Несмотря на изнурительную тренировку и скучнющие занятия после, Рейнбоу Дэш Вендар

никогда не упускает возможность побеситься в свободное время. Строгий Алекс быстро увеличивает нагрузки на тренировках, но энергия радужной пегасенки, кажется, неиссякаема.

Куцые крылышки отчаянно машут, и в воображении Рейнбоу она – совсем не маленькая кобылка, а настоящий боевой флаер «Дайнасор»:

– Противник прямо по курсу! – докладывает поняша. – Лазеры к бою! Вжжух! Попадание!.. Цель поражена! Бабах! Рейнбоу Дэш – капитан звена «Теней»!

Кобылка петляет между вишневыми деревьями, имитируя боевые маневры из недавно просмотренного эпизода сериала про легендарных асов Третьей Мировой.

Антигравитаторы еще не работают, но Алекс говорит, что уже скоро малышка сможет летать по-настоящему. И действительно, когда крылышки расправлены и машут, Дэш чувствует, как по телу волнами прокатывается легкая эйфория, а прыгать удается выше и дальше.

Замечтавшись, Дэш не замечает, как сад кончается, и начинается живая изгородь, прикрывающая сетчатое ограждение участка...

БУМ!

Рейнбоу Дэш, отлетев назад от спружинивших веток и сетки, шлепается на круп и ошарашено моргает. Ей не особенно больно, просто все случилось так неожиданно...

А еще на Дэш так же удивленно таращится маленький мальчик лет шести, сидящий в кустах по ту сторону ограды и держащий в руках две черные модельки флаеров «Дайнасор».

– Привет, – говорит мальчик, – тебе не больно?

– Привет, – отвечает пегасенка и подходит. – Неа. А ты кто?

– Я Марти. Марти Кук. А ты?

– А я – Дэши.

– Ты тоже любишь «Теней», да? – спрашивает Марти, и пони уверенно кивает. – Будешь со мной играть?

Лазурные ушки вдруг грустно опускаются.

– Мне нельзя уходить за забор, – говорит Дэши со вздохом. – А если я не послушаюсь, меня

отшлепают суперски сильно.

Радужный хвост невольно поджимается, когда малышка вспоминает свист ремня и следующую за этим боль.

– Мама говорит, детей шлепать нельзя, – со знанием дела сообщет Марти. – А она воспитатель.

– А Алекс говорит, наоборот.

– Алекс – твой папа?

Пегасочка хихикает.

– Ну вроде того. Только он человек, а я пони.

– Я думал, пони больше.

– Хей! Взрослые люди тоже больше тебя!

– Ты уж очень маленькая пони. В парке на пони можно кататься. И у нее нет крыльев.

Рейнбоу Дэш ненадолго задумывается, затем кивает:

– Наверное, это взрослая земнопони. Они немного больше пегасов и очень сильные.

Она подходит ближе. Марти играет здесь, в кустах, чтобы его не нашла вредная сестра. А у Рейнбоу есть немного свободного времени.

Мальчик и маленькая пони болтают весь вечер. Оказывается, жизнь человеческих детей совсем не похожа на жизнь Дэши, но та не особенно расстраивается.

В жизни Марти тоже полно скучнющих занятий, причем ему даже приходится ходить в какой-то «под-го-то-ви-тельный» класс, чтобы потом пойти в школу. А сейчас туда ходит сестра, доставучая и противная.

Рейнбоу даже не знает, что хуже, жить в комнате одной или с той, кто тебя все время обижает.

Их беседу прерывает резкое пиликанье, раздающееся из ошейника.

– Зачем ты это носишь? – спрашивает мальчик, показывая на мигающий синий огонек. – Ты разве собака?

– Не, – улыбается Дэши. – Это просто для того, чтобы не забыть расписание. Это значит, мне пора бежать.

– Останься, мы же не доиграли!

Искушение огромно, но подумав пару секунд, пегасочка все же качает головой:

– Неа… А то завтра пропущу серию «Теней» и не смогу прийти поиграть в сад.

Это святая правда. Наказанная Дэши не гуляет и не смотрит телевизор, а только плачет отшлепанная у себя в комнате.

– Тогда до завтра?

– Агась!

– Я принесу тебе сахара, хочешь?

– Хочу! Я люблю сладкое.

– Кто же его не любит…

– Я… ой! – Рейнбоу подскакивает, когда диод на ошейнике становится красным. – Я опаздываю, пока-пока!

С этими словами она бегом направляется к дому.

В тот раз она успела, буквально в последние секунды забежав в дверь, чтобы предстать перед Алексом.

– А говорила, у тебя среди людей нет друзей, – вырвал из воспоминаний голос Гайки.

– Их и нет, – сказала Дэш. – Этот мальчик через какое-то время переехал. То ли к этому приложил руку Алекс, то ли нет – я не знаю. Так что да, это была неплохая попытка…. но это и все.

Гайка вымученно улыбнулась. Она сказала неправду насчет детей: с этим ее кошмаром Дэш была знакома, но, похоже, забыла о нем.

Пока Дэш спала, мышка увидела человека, которого уж никак не ожидала встретить тут. Имя его было неизвестным никому, кроме мистера М, и все в компании знали его как Ловчего.

И если Гаечка была всевидящим оком Микки Мауса, президента концерна «Синтезис», то Ловчий приходил позже.

Мышка увидела в раскрытую дверь, как этот страшный человек как ни в чем не бывало беседует с какой-то девочкой лет шести. Строит из пальцев фигурки животных и людей, а малышка в белом платьице – смеется, восторженно пищит что-то…

Сомнения мышки рассеялись, когда человек обернулся. И Гайка была готова поклясться, что этот проницательный, с прищуром, взгляд узнал ее.

Сделалось жутко, что этот хладнокровный убийца находится здесь, в этом мире.

Мышка не расслышала, что он говорил доктору Салазару. Но тот, перехватив взгляд Ловчего, пнул ногой дверь палаты, и дальнейшие детали от взгляда Гайки ускользнули.

– Опять грузишься? – осведомилась Рейнбоу Дэш, вырвав собеседницу из воспоминаний.

– Да нет, – та снова нацепила улыбку, – какие планы?

Пегаска ответила сразу:

– Прошвырнуться по больнице. Поглядеть, не планируют ли нас порезать на органы.

– Дэш!

– Шучу, шучу. Кому нужны наши органы, когда тут человеки живут?

– Я с тобой.

– Да щас, – фыркнула пони, спрыгивая с кровати. – У тебя все раны откроются. Я вообще удивлена, что он своими когтями тебе кишки не вывалил.

Гайка вздохнула:

– У меня была импровизированная броня. Так что раны не особо глубокие.

Рейнбоу бросила взгляд, куда показывала мышка, и увидела дареный еще Вардом медальон.

– Видела, – фыркнула Дэш, – но такое только в дурацком кино бывает. Я вот, кстати, думала, как ты его вообще умудрилась спрятать под комбез?

– Да ты особо и не присматривалась, – пожала плечами Гайка. – Может, теперь его возьмешь?

Рейнбоу уже открыла рот, чтобы отказаться, но задумалась. Почувствовав не себе чей-то взгляд, оглянулась и встретилась глазами с белой лисичкой.

– Пойду, все же пройдусь, – сказала пони, небрежным жестом сунув в карман медальон. – На всякий случай.

* * *

Выйдя из палаты, Рейнбоу Дэш Вендар имела еще и скрытую цель.

У нее из головы не шли слова, сказанные двойником с прим-фамилией Кэмпбелл, и, по меньшей мере, следовало хотя бы разведать обстановку.

Клиника напоминала виденные в кино медицинские заведения начала двадцать первого века. Правда, присущие скорее так называемым «странам третьего мира». Что это значило на самом деле, Дэш затруднялась сказать, но знала, что так обычно называют что-то вроде Трущоб в Гигаполисах.

В палаты пегаска не сунулась, а сразу принялась искать доктора Салазара. В принципе, хорошо выходило, что удастся поговорить наедине уже после того, как эмоции схлынули. Рейнбоу испытывала двоякие чувства по этому поводу.

Во-первых, ей было неловко за такое проявление слабости, коим она считала любые слезы в принципе. А во-вторых, на сердце будто бы стало легче. Более того, хотелось бегать, вопить от радости, а лучше – взлететь в небо и пронзить облака на волне абсолютного восторга…

Эти чувства повергали гладиатора Рейнбоу Дэш Вендар в некоторое смятение.

Внимание пегаски привлекла полутемная комната, в которой угадывался силуэт человека в белом халате.

– Док! – позвала Рейнбоу и сунулась в приоткрытую дверь. – К Вам можно?

В ноздри ударил сильный запах, который заставил пробудиться довольно неприятную память. А именно, спирта вперемешку с лекарствами.

– Заходи, маленькая пони, – сказал искаженный алкоголем голос, и выбора не осталось.

Рейнбоу уже увидела, что этот доктор – вовсе не Филип-Жозеф Салазар. Старше, если в этом мире что-то значит возраст, и в затуманенных глазах – беспросветная бездна, так знакомая самой пегаске.

Да что там, после смерти хозяина Дэш и сама была в подобном состоянии: потеряв смысл существования, оставшись наедине с болью и той пустотой, что образовалась в душе, она не придумала ничего проще, чем залить все это дешевым пойлом.

Доктор, похоже, шел по тому же пути. Но зачем?

– Подойди поближе, – попросил тем временем человек, и Дэш послушно процокала копытцами к самому столу.

Губы человека приподнялись в неуверенной улыбке.

– Дай посмотреть на тебя, – сказал он и сделал паузу. – Да, вижу, досталось тебе, маленькая Дэши… и все из-за меня…

– Док? – удивленно подняла бровь Рейнбоу, старательно копаясь в памяти. – Мне кажется, мы даже незнакомы.

– Незнакомы. Я намного старше Филипа, так что…

Доктор не договорил, и мензурка со спиртом отправилась по направлению ко рту.

Рейнбоу уселась за стол, не дожидаясь приглашения, и поставила на гладкую поверхность копыта.

– Док, мне до лампочки, что ты заливаешь, – сказала пони, нахально переходя на «ты», – и не менее до лампочки, кем ты был в прошлой жизни. Я просто хотела спросить.

Доктор сделал пару глотков и отставил мензурку в сторону, вопросительно посмотрев на сидящую напротив пегаску. Видимо, он приготовился к расспросам именно на эти темы.

– Я не могу летать, – сказала Дэш и сделала усилие, чтобы голос не дрогнул. – С моим антигравом что-то неладно. Можешь глянуть?

– Почему ты думаешь, что это антигравитатор?

– Да потому что другая Рейнбоу Дэш спокойно тут летает! – резко сказала бывшая Вендар и стукнула копытом по столу. – Говори прямо, поможешь, нет? Мне недосуг с тобой рассиживаться!

– Давай посмотрим.

Доктор нетвердыми движениями встал и зажег в кабинете свет. Через короткое время снявшая рубашку пижамы Дэш сидела на смотровом столе, а человек, представившийся доктором Хаузером, внимательно осматривал расправленные крылья пегаски.

Вообще, у пони-пегасов крылья заслуженно считаются местом довольно чувствительным и даже интимным. Создатели, чтоб им сто лет жить и двести раком ползать, постарались, пойдя ради выгоды на поводу у фанатов сериала.

Но Рейнбоу не возражала. Доктор Салазар в свое время вообще в такие места руками и диагностом залезал, в приличном обществе и не скажешь.

– А все же, кто ты такой, док? – спросила Дэш. – Салазар мне знакомый еще по тому миру, а ты откуда взялся?

Руки убрались от крыла, чтобы через секунду смениться стетоскопом.

– А я, маленькая Дэши, – сказал доктор, – тот, благодаря кому ты вообще появилась на свет. Равно как и миллионы других пони.

– Чего?! – навострила уши пегаска.

– Я – доктор Герард Хаузер. До того, как работать на то, что в будущем станет БРТО, я стал известен как «новый Менгеле», если это о чем-то тебе говорит.

– Не особо. А если коротко?

– Если коротко, это я придумал, как сделать живых маленьких пони. Всех. Моими руками были

собраны наборы ДНК, под моим руководством создавались и тестировались прототипы. Первая пони…

Голос человека дрогнул, он оборвался.

Рейнбоу подождала пару секунд, потом спросила:

– Схоронил?

Доктор Хаузер ответил не сразу:

– Да. Твайли, доченька моя…

– Кто бы сомневался, – фыркнула Дэш, хотя сердце ее сжалось. – Кем еще могла быть первая пони, как не Твайлайт Спаркл?

– Я был убит горем, а Твайли стала искоркой света в моей жизни, – сказал доктор, – к тому же, она была так похожа на мою дочку.

– Мудак ты, – процедила Дэш, чувствуя волну поднявшейся к человеку неприязни. – Все бы вам, человекам, плюшки-игрушки, а о наших чувствах хоть кто-нибудь подумал? Благодетель хренов! Создатель проклятый, просили тебя…

Дэш не оборачивалась и не видела этого, но каждое ее слово хлестало старика, будто плеть. Он прикрыл глаза и тихо сказал:

– Я не думал, что все будет… так.

– Как?

Доктор Хаузер вздохнул:

– Я даровал жизнь целому виду и обрек его на адские страдания. Заигравшись в бога, я даже не думал о том, какую ответственность, какое невыносимое бремя взвалил на себя… Бог дал своим творениям свободу выбора, а я бросил своих детей на съедение Молоху, и за это я буду расплачиваться вечно, потому что такому нет прощения. Как же безжалостно была наказана моя гордыня…

Дэш не знала, как ответить на это. Действительно, каково было знать, что твои создания стали просто средством выколачивания прибыли и удовлетворения прихотей покупателя? С другой стороны, он ведь наверняка знал, на что шел, оживляя древний мультик для детей…

Повисло тягостное молчание, и вскоре доктор принялся осматривать и ощупывать второе крыло.

– Ну что? – глухо спросила пегаска через минуту.

Чуткие пальцы перестали неуверенными движениями перебирать голубые перышки, скрывающие в себе чудо биотехнологии, настоящие резонаторы А-поля. Поля, способного сделать возможным полет на коротеньких крыльях.

– Соматически все нормально, – отозвался доктор ровным голосом, – но судя по всему, есть только один способ вернуть тебе полет.

– Какой? – оглянулась Дэш. – И что за сено значит это слово, что ты сказал?

– Это значит, что физически твой антиграв в полном порядке. Но лечение возможно только дорогой ценой…

Рейнбоу словно током ударило. Воистину, стоило лишь немного расслабиться, и вот, человеческая натура тут же явила себя со своей привычной неприглядной стороны.

– Что?! – прошипела она, но затем сжала зубы, поняв, что не ослышалась. – Ах ты ж, сука…

Подавив желание впечатать задние копыта в покрытое морщинами лицо, Рейнбоу встала и повернулась к доктору. Тот оставался спокойным и смотрел на пегаску как-то… грустно.

Но Дэш уже завелась:

– Так, значит, ты вопрос ставишь. Ну хорошо. Я вслух готовность свою выражала, и от слов не отказываюсь. Раз такова цена…

Судорожными движениями она взялась за застежку пижамных штанов. Сердце тревожно колотилось в груди, и мысленно пегаска проклинала свой слишком длинный язык. Как назло, пуговица не поддавалась.

Ладонь доктора вдруг легла сверху голубого копыта. На стол капнуло, и Рейнбоу обнаружила, что это ее собственная слеза.

– Что ты, маленькая, – сказал человек тихо, – никто тут от тебя такого не потребует, слышишь? Никогда.

– Тогда что тебе надо? – шмыгнула носом пони, не поднимая взгляда рубиновых глаз. – Людям

от меня всегда были нужны только порево да кровь на потеху…

– Не здесь и уж точно не мне. В мире Дорог всегда есть особая цена тому, что он забирает.

Рейнбоу Дэш опустилась на круп и сложила крылья. Зло утерлась копытом и подняла взгляд мокрых глаз на пожилого человека. Она чувствовала раздражение и стыд, злость и надежду, все вместе. Боялась и хотела услышать то, что скажет тот, кто положил начало понячьему роду в мире людей.

– И что же мир Дорог требует от меня, в таком случае? – тихо спросила она.

– Ты должна будешь оставить здесь мышку и лисицу, – ответил доктор, – и пойти дальше одна. Вернее, полететь.

Рубиново-красные глаза удивленно распахнулись. Пегаска несколько мучительно долгих секунд смотрела в лицо доктору. Потом взяла пижамную рубашку, будто специально сделанную на пегаса от «Хасбро» и оделась.

Зубы сами собой сжались, когда в голове будто раздался голос двойника:

«Никогда, слышишь, никогда Рейнбоу Дэш не купит свою мечту такой ценой!»

Не смотря на доктора, она спрыгнула со смотрового стола и пошла на выход. И лишь в дверях обернулась.

– Нет, – сказала она. – Можете говорить что хотите про меня. Отнимать что хотите. Но у меня. Не у тех, кто со мной, ясно?

С этими словами она вышла, подавив желание как следует приложить дверью об косяк. Но дребезжащее стекло и хлипкие доски могли наделать много лишнего шума, а привлекать внимание было и вовсе ни к чему.

Если бы Рейнбоу Дэш, бывшая Вендар, встретила творца своего вида буквально несколько дней назад, еще до того, как прошла какое-то расстояние по таинственному Пути, пожалуй, не обошлось бы без копытоприкладства. Положа копыто на сердце, ей и сейчас хотелось, несмотря на почтенный возраст доктора, подправить ему физиономию.

Но теперь она сдержалась. Как показал опыт буквально сегодняшнего дня, в этом мире так просто все не решается.

Вернувшись в палату, Рейнбоу плюхнулась на кровать и отвернулась к окну, не слушая расспросов Гайки. Когда же та, обеспокоившись молчанием пони, вконец достала

повторяющимся вопросами, пегаска на мгновение обернулась и сказала резче, чем хотела:

– Дай мне спокойно подумать!

Гайка, которая вздрогнула от такого тона, замолчала. Мелькнула тревожная мысль, не обидел ли кто подругу. Но потом отбросила эту мысль: Рейнбоу не стала бы замыкаться в себе, случись что-то действительно плохое.

Пегаска же, радуясь наступившей, наконец, тишине, вздохнула и сосредоточилась на своих мыслях.

Когда-то давно ей очень хотелось встретить Рейнбоу Дэш. Не первую из серии, а ту, придуманную, из мультика. В общем, выплеснуть свой гнев на того, кто заложил основу той жизни, на которую оказалась обречена Рейнбоу Дэш Вендар.

А еще лучше – того человека, который дал начало понячьему роду в мире людей.

Вот только первая в реальности не существовала, а второй умер еще до появления на свет той, в чьем синтпаспорте значилась прим-фамилия Вендар.

И сейчас, встретив своего создателя, Рейнбоу Дэш даже не знала, как к этому относиться. Ее тогдашние и теперешние желания стали отличаться, и она не могла понять, почему. И в какой момент это началось. В той, прошлой жизни, когда она отказалась от мести малявке Скуталу и более того, ценой своей жизни купив возможность сбежать ей и ее друзьям? Или недавно, в этом мире, после шторма и встречи с собственным страхом?

Ответов не было. А те, что были, порождали лишь новые вопросы.

А еще у Рейнбоу Дэш болели раны. Старые и новые. На шкуре и на сердце.

Раньше она с такого напивалась в штопор, а сейчас отчего-то не хотелось. А чего хотелось, было непонятно, и от того – еще тяжелей.

http://tl.rulate.ru/book/82091/2554364